

На правах рукописи

Чижик Наталья Анатольевна

**МОТИВАЦИОННО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ
ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДМЕТНО-БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Томск – 2005

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета Томского государственного университета

Научный руководитель:

доктор филологических наук
профессор Блинова Ольга Иосифовна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
профессор Ростова Алевтина Николаевна

кандидат филологических наук
доцент Тубалова Инна Витальевна

Ведущая организация:

Томский государственный
педагогический университет

Защита состоится «18» мая 2005г. в ___ ч. ___ мин. на заседании диссертационного совета Д.212.267.05 при Томском государственном университете по адресу: 634050 г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «6» апреля 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
профессор

Захарова Л.А.

Общая характеристика работы

Диссертационная работа посвящена мотивологическому исследованию предметно-бытовой лексики русского языка в сопоставлении с немецким языком.

Актуальность темы. Явление мотивации слов – одно из сложнейших языковых явлений, которое вызывало и вызывает стойкий исследовательский интерес в лингвистике. Традиционно проблема лексической мотивации рассматривается в ономазиологии (Н.Д. Арутюнова, Т.А. Гридина, И.С. Торопцев, А.А. Уфимцева и др.) и семасиологии (Ю.Д. Апресян, Л.М. Васильев, Ю.Н. Караулов, Н.И. Толстой и др.). С середины 70-ых годов XX в. мотивация становится объектом изучения мотивологии – молодого раздела лексикологии.

Лексикологическая теория мотивации, обоснованная О.И. Блиновой и получившая дальнейшее развитие в работах ее учеников и последователей (Е.В. Бельской, С.Б. Велединской, Н.Д. Голева, Т.А. Демешкиной, Л.В. Дубиной, Г.В. Калиткиной, М.В. Курышевой, Е.В. Михалевой, В.Г. Наумова, Н.Г. Нестеровой, А.Н. Ростовской, Е.Н. Топоровой, И.В. Тубаловой, Е.А. Юриной и др.), органично сочетает основные черты современного научного знания – системность, антропоцентризм, функционализм.

Мотивированность слова в мотивологии выявляется с опорой на показания метаязыкового сознания носителей языка, собранные в ходе психолингвистического эксперимента (ПЛЭ), и понимается как «структурно-семантическое свойство слова, позволяющего осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности» (Блинова О.И., 1976), в то время как в ономазиологии мотивированность – связь между словами в момент их наименования, а большинство семасиологических трактовок сводится к определению мотивированности как причинной связи между звуком и смыслом (Гак В.Г., 1977).

Новые горизонты в изучении явления мотивации слов открываются при сопоставительном исследовании, поскольку сопоставление, в отличие от одностороннего описания, позволяет выявить его всеобщие, универсальные черты и обнаружить индивидуальные для каждого языка характеристики.

Сопоставительный аспект мотивологии, выделенный О.И. Блиновой (1984), активно развивается в последнее десятилетие, что закономерно, учитывая общее смещение вектора научного интереса в лингвистике в сторону исследования языка как средства трансляции культуры и средства межкультурной коммуникации (работы Е.М. Верещагина, В.Г. Гака, А. Гудавичюса, В.Г. Костомарова, В.Н. Телия, Н.И. Толстого, В.Н. Ярцевой и др.).

К настоящему моменту с мотивологической позиции русский литературный язык подвергся внутриязыковому сопоставлению с диалектными формами (Блинова О.И., 1984, 1994, 1999), межъязыковому сопоставлению с польским и украинским языками (Адилова А.Д., 1996), французским языком (Велединская С.Б., 1997; Козлова И.Е., 1999), английским языком (Филатова А.С., 2004). Установлены принципы, аспекты и методика мотивационно-сопоставительного анализа, исследован мотивационный потенциал тематических групп орнитонимов и фитонимов, показаны возможности лексикографирования результатов проводимого сопоставления.

С одной стороны, имеется достаточный фактический и теоретический материал для обобщения и осмысления накопленного знания, с другой стороны, назрела необходимость в работе, обращенной к изучению явления мотивации слов русского языка на материале новой лексической группировки в сопоставлении с новыми языками. Предметно-бытовая лексика, впервые проанализированная в мотивационно-сопоставительном аспекте, как никакой иной пласт лексикона дает развернутую картину материальной культуры сопоставляемых языковых сообществ и несет информацию о повседневной жизнедеятельности человека. Ее высокий исследовательский потенциал подтверждается тем, что наименования предметов быта ранее рассматривались в ономазиологическом (Ф.П. Иванова), историко-ономазиологическом (С.А. Еремина), семасиологическом (Н.А. Гайдамак) ключе, становились объектом анализа в работах по изучению фольклора и обрядовой лексики (И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер).

Отдельные фрагменты сопоставления лексики в аспекте ее мотивированности нуждаются в уточнении и дополнении. Это, прежде всего, выделение этапов сопоставительного исследования, определение единиц сопоставления на каждом этапе, разработка процедуры словарной идентификации лексических единиц (ЛЕ), несоотносимых посредством международной латинской терминологии.

Все названные аргументы обосновывают актуальность проводимого исследования, во-первых, вносящего вклад в общую концепцию теории мотивации, во-вторых, развивающего мотивационно-сопоставительное направление мотивологии.

Цель диссертационной работы – выявить специфику явления мотивации слов русского языка в сравнении с немецким на материале предметно-бытовой лексики.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) охарактеризовать сущность межъязыкового сопоставительного аспекта теории мотивации и выделить основные направления мотивационно-сопоставительного рассмотрения языков;
- 2) дифференцировать единицы сопоставительной мотивологии на разных этапах мотивологического исследования;
- 3) провести **апробационно-сопоставительный** анализ внутренних форм слов, входящих в тематическую группу предметно-бытовой лексики, для выявления специфики лексики русского языка в аспекте ее мотивированности;

- 4) описать ~~явления~~ особенности проявления русского метаязыкового сознания в сопоставлении с немецким.

Объектом настоящего исследования выступает явление мотивации слов, понимаемое как связь между словами, обнаруживающая их мотивированность. **Предметом** исследования избрана общность и специфика явления мотивации слов русского языка в сопоставлении с немецким языком, отраженная во внутренней форме слова.

Ведущий **метод** в работе – метод научного описания, позволяющий провести комплексный анализ лексического материала на синхронном срезе языка, с привлечением сопоставительного метода. В рамках данных методов были применены следующие приемы: сплошной выборки, словарной идентификации, компонентного анализа, наблюдения и психолингвистического эксперимента (для сбора материала); интроспекции, интерпретации и классификации лексических единиц (при описании материала); систематизации и статистической обработки (при обобщении результатов исследования). Все используемые приемы соответствуют принципам мотивологического исследования: системности, синхронности, антропоцентризма и лексикоцентризма.

Материал и источники исследования. Описание явления мотивации слов в сопоставительном аспекте произведено на материале 300 имен существительных русского языка – наименований предметов быта, извлеченных из толковых словарей русского языка и переведенных на немецкий язык.

В качестве основного источника диссертационного сочинения использовались показания метаязыкового сознания носителей сопоставляемых языков, полученные в ходе проведения ПЛЭ в г. Томске (Россия) в период с 2000 по 2004 гг., а также собранные во время научных стажировок в гг. Билефельд и Лейпциг (Германия) в 2002 – 2003 гг. В среднем на одно русское слово было получено порядка 140 реакций респондентов (из них 90, выявляющих лексическую мотивированность слова, 50 – структурную мотивированность), на одно немецкое слово имеется около 90 ответных реакций (70 – на выявление лексической мотивированности, 20 – структурной мотивированности). Общий объем проанализированных метатекстов составил около 69500 высказываний.

Вспомогательными источниками послужили различного рода словари: толковые, идеографические, этимологические, двуязычные и другие. Это, прежде всего: Словарь русского языка С.И.Ожегова; Словарь русского языка в 4-х томах / Под ред. А.П. Евгеньевой; Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов; Этимологический словарь русского языка в 4-х томах М. Фасмера; Большой толковый словарь немецкого языка / Langenscheidts Grosswörterbuch Deutsch als Fremdsprache; PC-Bibliothek Version 2.0.; Словарь ABBY Lingvo 9.0.: Многоязычная версия; Kluge, Friedrich, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- 1) обобщены и впервые систематизированы теоретические положения, направленные на анализ явления мотивации слов в межъязыковом сопоставительном аспекте;
- 2) выделены этапы сопоставительного мотивологического изучения лексики и определены единицы исследования на каждом этапе; разработаны новые приемы процедуры словарной идентификации сопоставляемых лексических единиц с учетом специфики избранной тематической группы; уточнен вопрос об уровнях, микро- и макроединицах мотивационно-сопоставительного анализа;
- 3) проведено сопоставление внутренних форм наименований предметов быта русского и немецкого языков, до сих пор не подвергавшихся комплексному анализу с позиции теории мотивации;
- 4) определена общность и специфика явления мотивации слов русского языка в сопоставлении с ранее не привлекавшимся для анализа немецким языком;
- 5) обоснована необходимость учета национального метаязыкового сознания как одного из факторов, приводящих к специфике мотивации слов в каждом из сопоставляемых языков.

Теоретическая значимость исследования. Диссертация вносит вклад в дальнейшее развитие лексикологической теории мотивации, предполагая ее выход в будущем за рамки русистики в область типологического исследования языковых явлений.

Комплексное описание сопоставительного аспекта мотивологии выводит его на уровень сформировавшегося, перспективного раздела теории мотивации слов со своими целями, задачами, методами, приемами, источниками и направлениями.

Данные, полученные при сопоставлении предметно-бытовой лексики русского языка с немецким, дополняют имеющееся представление о специфике явления мотивации слов русского языка.

В целом диссертационное исследование способствует разработке теоретических основ мотивологии, сопоставительной лексикологии, типологии, некоторых вопросов этно- и психолингвистики.

Практическая значимость исследования. Основные положения и выводы работы могут найти применение в изучении русской и немецкой языковой картины мира, национальной специфики сопоставляемых языков.

Практическая ценность работы заключается также в возможности использования результатов проведенного исследования как в лексикографической практике, так и в учебно-педагогическом процессе: при чтении спецкурса «Русская мотивология», при разработке спецкурса «Сопоставительная мотивология», в курсе лексикологии современного русского и немецкого языков, теории и практики межкультурной коммуникации.

Апробация работы. Основные положения работы обсуждались на Региональных научно-практических конференциях «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики» (Томск, 2001, 2003,

2004), на I Международной научно-практической конференции «Преподавание иностранных языков в поликультурном образовательном пространстве» (Томск, 2001), на XXXIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2001), на XVII Международной научной конференции «Язык и культура» (Томск, 2004), на Международной научной конференции «Русская и сопоставительная филология: Состояние и перспективы» (Казань, 2004), на заседании аспирантского лингвистического семинара при ТГУ (Томск, 2004).

Структура работы. Диссертационное сочинение состоит из введения, двух глав, содержащих основные теоретические положения и результаты проведенного исследования, заключения, списка литературы и библиографических источников, трех приложений.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, раскрывается новизна, теоретическая и практическая значимость работы, выделяется ее объект, предмет, цели, задачи, определяется методологическая основа.

Первая глава «Основы межъязыкового сопоставительного аспекта мотивологии» представляет теоретическую базу исследования.

В разделе **1.1.** освещаются основные этапы становления сопоставительного аспекта мотивологии. Начало изучению явления мотивации как лексического феномена в разных формах русского языка (внутриязыковое сопоставление) было положено О.И. Блиновой, наметившей главные параметры сопоставительного мотивологического исследования лексики (Блинова О.И., 1984, 1987, 1994). Дальнейшее развитие идеи в направлении межъязыкового сопоставления и выявления специфики явления мотивации слов русского языка осуществили А.Д. Адилова (1992, 1993, 1996), сформулировавшая методологические основы проведения сопоставительного анализа лексики в аспекте ее мотивированности, И.Е. Козлова (1996, 1999), вписавшая межъязыковое мотивологическое исследование в контекст изучения национальной специфики языка, А.С. Филатова (2002, 2003, 2004), разработавшая способы и приемы лексикографического представления сопоставляемых ЛЕ и создавшая мотивационно-сопоставительный словарь.

Интенсивное изучение явления мотивации в сопоставительном ключе привело к формированию в рамках сопоставительного аспекта мотивологии (другими словами, сопоставительной мотивологии) следующих направлений: онтологического, этнолингвистического, лексикографического, функционального. В разделе **1.2.** описывается сущность этих направлений и представляются перспективы их развития.

В разделе **1.3.** определяется статус сопоставительной мотивологии. В итоге осмысления вопросов сопоставления нескольких языков (работы К. Бауша, С.Г. Бережана, В.Г. Гака, А. Гудавичюса, П.Н. Денисова, Г. Хельбига и др.) делается вывод о том, что сопоставительная мотивология представляет собой область сопоставительной лингвистики в самом широком ее понимании. Она выявляет сходство и различия явления мотивации слов в сопоставляемых языках (сопоставительная лингвистика), имеет исходным один язык – русский (контрастивная лингвистика), исследует мотивационные отношения слов, рассматриваемые в качестве лингвистической универсалии (лингвистическая типология).

В мотивационные отношения (эпидигматические отношения) вступают мотивированные единицы языка, т.е. единицы, обладающие свойством мотивированности. Мотивированной признается всякая ЛЕ, обнаруживающая отношения лексической и/или структурной мотивации. При лексической мотивации проявляется лексическая мотивированность слова, отражающая его мотивировочный признак, напр., *обогреватель* ← *обогревает*, *щетка* ← *<из> щетины*. При структурной мотивации выделяется структурная мотивированность слова, отражающая его классификационный признак, напр., *майКА* ← *сорочКА*, *одеяЛО* ← *покрывало*.

Источником сопоставительного изучения явления мотивации (**1.4.**) могут выступать метатексты, тексты художественных произведений, публицистики, научной литературы, рекламного дискурса, словари (толковые, двуязычные переводные, аспектные и др.).

В подразделе **1.4.1.** обосновывается выбор показаний метаязыкового сознания носителей сопоставляемых языков в качестве основного источника сопоставительного мотивологического исследования.

Обзор литературы по вопросу языкового сознания (А.А. Белобородов, О.И. Блинова, Е.В. Иванцова, Ю.Н. Караулов, С.Е. Никитина, А.Н. Ростова, И.В. Тубалова и др.) показывает, что все многообразие трактовок термина «языковое сознание» (ЯС) в современной лингвистике сводится к двум основным линиям в его понимании (Ростова А.Н., 2000). ЯС может рассматриваться как способность говорящего к мыслительной деятельности в процессе практического владения языком (происходит реализация глубинного уровня языкового сознания – подсознания) и как способность человека к языковой рефлексии (актуализируется поверхностный уровень языкового сознания, находящий выражение в суждениях индивида о языке).

Мотивология в целом и сопоставительная мотивология в частности оперирует рефлексорирующим ЯС, определяя его как «совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их функциональных особенностях, о нормах произношения, словоупотребления и т.д.» (Блинова О.И., 1972). В настоящее время в мотивологической концепции ЯС, направленное «на отражение языка-объекта как элемента действительного мира», называется, вслед за А.Н. Ростовской, метаязыковым сознанием (МЯС) (Ростова А.Н., 2000).

В данной работе используется уровень теоретически несистематизированного, обыденного МЯС. Сбор показаний МЯС осуществлялся при проведении ПЛЭ, цель которого – обнаружить наличие/отсутствие связи звучания и значения отдельного слова в сознании рядового носителя языка, что в мотивологии является базовым показателем мотивированности/немотивированности слова. Для выявления лексической мотивированности слова задавался вопрос «Как вы считаете (думаете), почему этот предмет так называется?»». Для выявления структурной мотивированности слова предлагалось задание «Продолжите ряд слов по структурному типу: *солоНКА, маслеНКА...*».

В итоге ПЛЭ все полученные метаязыковые реакции были разделены на релевантные и нерелевантные. К нерелевантным отнесены реакции, ставшие следствием непонимания информантом анкетного задания (в случае описания самого денотата или пояснения лексического значения толкуемого слова). Нерелевантные реакции составили 2% от общего количества метатекстов.

В подразделе **1.4.2.** ведется речь о национальном метаязыковом сознании и его проявлении в ПЛЭ.

МЯС не может быть абсолютно идентичным у носителей разных языков. Оно национально обусловлено в силу следующих причин. Во-первых, рассуждения о языке ведутся информантами на их национальном языке и, соответственно, несут на себе отпечаток его национальной специфики (прежде всего, исторически сложившейся языковой системы данного языка). Во-вторых, в процессе речевого высказывания задействуются фоновые культурологические знания, которыми обладают носители каждого языка. Эти знания, известные только определенному «лингвокультурному сообществу» (термин Д.Б. Гудкова), могут провоцировать особенное осмысление языковой действительности представителями одной нации.

Национальное своеобразие МЯС (как и ЯС), иначе говоря, национальное МЯС, особенно ярко проявляется в обыденных языковых рефлексиях, «неотшлифованных» научным знанием, и приводит к специфике осознания взаимосвязи между словами какого-либо языка, т.е. к специфике явления мотивации слов.

В ходе ПЛЭ установлено, что русское МЯС под влиянием русского менталитета и русского национального характера с такими его чертами, как открытость, отзывчивость, доверчивость, бескорыстие, широта души, бесшабашность (Тарланов З.К., 1995; Фещенко Е.В., 1999; Баронин А.С., 2000; Касьянова К., 2003), как правило, положительно настроено на вербализацию знаний о языке. Представители немецкой нации, напротив, замкнуты, что усложняет для исследователя задачу вовлечения их в ПЛЭ.

В подразделе **1.4.3.** обозначены основные подходы к анализу взаимоотношения «язык – мир – человек». Проблема различия человеческих языков как отражения специфического мировидения решается в современной лингвистике по трем главным направлениям: лингвокультурологическому, этнолингвистическому, когнитивному. Разное видение мира через призму языка изучается посредством описания языковой картины мира (в иных трактовках – наивной модели мира, языковой модели мира, языковой категоризации (концептуализации) мира).

Фрагмент языковой картины мира в зеркале явления мотивации слов рассматривается в работе на материале лексики с конкретно-предметным значением.

Вопросы тематической систематизации ЛЕ в нуждах мотивологического исследования и, соответственно, особенности построения тематической группы «Предметно-бытовая лексика» освещаются в подразделе **1.4.4.** Тематической группой (ТГ) в мотивологии считается совокупность слов, объединенных на основе предметно-логической общности.

Широта денотативной сферы приводит к отсутствию единства среди лингвистов в определении термина «предметно-бытовая лексика». Одни исследователи (Ф.П. Иванова, Л.Г. Саяхова, Г.В. Судаков) используют данный термин в узком смысле, включая сюда слова и сочетания слов, служащие названиями предметов, явлений и действий, связанных с бытом, с домашним обиходом. Другие (Э.В. Глазырина, А.Ф. Манаенкова, Н.А. Панова, М.Н. Яценецкая) понимают его в самом широком смысле, присоединяя к вышеназванным группам обрядовую лексику, названия тканей, пищи, лекарств.

В настоящем исследовании в ТГ предметно-бытовой лексики включены подгруппы, составленные конкретными существительными – наименованиями артефактов – со следующими значениями:

- I. Предметы домашнего хозяйства.
 1. Мебель и внутреннее убранство.
 2. Посуда, кухонная утварь.
 3. Бытовые приборы.
 4. Постельные принадлежности.
 5. Прочие предметы, находящие применение в быту.
- II. Предметы одежды.
 1. Головные уборы.
 2. Верхняя одежда и дополнения к ней.
 3. Нижняя одежда.
 4. Обувь.
 5. Украшения и принадлежности туалета.
- III. Предметы санитарной гигиены, косметики, оптики.

Подобное разделение материала значимо по двум причинам: 1) в процессе ПЛЭ информанты, анализируя тематически связанные слова, легче вычленили единицы с общей предметной отнесенностью, что способствует построению ими ряда одноструктурных наименований (выявлению в итоге структурной мотивированности);

2) более узко рассмотренные тематические группировки позволяют исследователю конкретизировать общеродовое значение форманта – носителя структурной мотивированности.

В разделе 1.5. уточняется вопрос о единицах сопоставительной мотивологии, который ранее получил теоретическое осмысление в ряде научных работ (Блинова О.И., 1984, 1995, 2000; Адилова А.Д., 1996; Козлова И.Е., 1996, 1999; Филатова А.С., 2003, 2004). В диссертации единицы исследования дифференцируются в зависимости от этапа сопоставительного исследования.

На этапе построения ТГ единицей исследования являются словарные (лексические) эквиваленты, зафиксированные и описанные в двуязычных словарях (Которова Е.Г., 1997). На этапе отбора слов для проведения их через ПЛЭ единицей исследования считаются семантические эквиваленты, поиск которых производится при помощи толковых словарей русского и немецкого языков, фиксирующих в слове лексическое значение (ЛЗ).

Выделяя в ЛЗ русского и немецкого наименований компоненты, получаем возможность соотнести обе ЛЕ семантически (компонентный анализ ЛЗ как содержательной стороны словесного знака В.В. Иваницкий называет макроструктурным (Иваницкий В.В., 1994)). Одновременно осуществляется процедура денотатного соотнесения рассматриваемых наименований, так как денотативное значение (как один из компонентов в структуре ЛЗ) отражает отношение слова к конкретному объекту действительности.

Приведем пример. Русскому слову *taburet* по словарю АБВУД Lingvo 9.0. соответствуют немецкие словарные эквиваленты *der Hocker, der Schemel*. Сопоставим данные толковых словарей. *Taburet*, табуретка – род скамейки с квадратным или круглым жестким сиденьем без спинки (Ожегов С.И., 1988, 642). *Hocker, der* – [stuhlhohes] Sitzmöbel ohne Lehne für eine Person – предмет мебели для сидения (по высоте стула) без спинки на одного человека (PC-Bibliothek 2.01). *Schemel, der* – а) Hocker (1), б) (bes. südd.) Fussbank – а) то же, что Hocker, б) скамеечка для ног (PC-Bibliothek 2.01.). Таким образом, для введения в ПЛЭ отбирается существительное *Hocker*, как наиболее близкое по компонентному составу ЛЗ русскому наименованию и содержащее ключевой компонент «без спинки».

Следующим – главным – этапом сопоставительного исследования явления мотивации слов выступает практический анализ материала, собранного в ходе ПЛЭ. Данный вид анализа получил название мотивационно-сопоставительного анализа (МСА).

При проведении МСА на уровне слова следует различать микроединицу МСА – внутреннюю форму слова (ВФС) и макроединицу МСА – мотивационную парадигму (как совокупность мотивационно связанных слов, центр (ядро) которой представляет мотивируемое слово, а периферию – мотивирующие его единицы: лексические и/или структурные мотиваторы) (Блинова О.И., 2000)).

Единицей МСА предметно-бытовой лексики избрана ВФС, следовательно, проводимый анализ – микроуровневый МСА.

ВФС является одним из исходных понятий в лексикологической теории мотивации и осмысливается как «средство (способ) воплощения мотивированности слова. Если мотивированность – свойство слова, то ВФС – компонент слова, имеющий реальное языковое выражение» (Блинова О.И., 1979).

Обусловленность ВФС его мотивированностью (структурно-семантическим свойством слова) определяет ее билатеральную интерпретацию в мотивологии: ВФС – морфосемантическая структура слова, позволяющая осознать взаимообусловленность его звучания и значения.

Вторая глава «Мотивационно-сопоставительный анализ предметно-бытовой лексики русского языка в сравнении с немецким языком» представляет практическую часть исследования. Цель анализа состоит в выявлении общности и специфики явления мотивации слов русского языка на фоне немецкого.

В разделе 2.1. устанавливается степень мотивированности языкового знака в каждом языке, так как сходство и различие языков по числу мотивированных/немотивированных наименований показывает их мотивационный потенциал.

Вывод о преобладании в современном языке тенденции к произвольности или мотивированности делается на основании анализа ВФС, поскольку мотивированность реализуется именно во ВФС. Синхроническое исследование ВФС производится на основе показаний МЯС. Информант, подвергая осмыслению слово, фактически разлагает его на части – сегменты ВФ – и по ним пытается «прочитать» его значение, исходя из «слова – конкретизатора и слова – идентификатора» (Блинова О.И., 1989). Исследователь же, базируясь на показаниях МЯС, осуществляет вычленение мотивационной формы (МФ) и толкование мотивационного значения (МЗ), являющихся компонентами ВФ слова. Таким образом, от того, насколько ясно носитель языка «ощущает» ВФС, зависит, мотивировано слово или нет.

В теории мотивации слово считается полностью мотивированным при осознании носителями языка всей (или почти всей) звуковой оболочки слова за счет соотнесения его с мотивирующими единицами, актуализирующими отношения лексической и/или структурной мотивации. Так, ЛЕ *заколка* лексически мотивируется глаголом *закалывать* и структурно мотивируется существительными *запонка, цепочка*. Таким образом, ее МФ: *ЗАКОЛКА*, МЗ: 'предмет, <которым> закалывают <волось>'.
В случае семантизации в слове сегмента, реализующего либо лексическую, либо структурную мотивированность, оно признается полумотивированным (частично мотивированным). Например, слово *бюстгальтер* устанавливает связь только с ЛЕ *бюст*, вследствие чего его МФ: *БЮСТгальтер*, МЗ: '<то, что поддерживает> бюст'; ЛЕ *кепка* по конечному сегменту соотносится в сознании информантов со словом *шапка*, предопределяя следующее членение МФ: *кепка* и формулировку МЗ: '<какой-то> головной убор'.

Если слово не вызывает в сознании опрашиваемого человека связи с какими-либо другими ЛЕ, то оно не обладает свойством мотивированности и является немотивированным.

Сопоставительное исследование показало равно высокую степень мотивированности языкового знака в русском и немецком языках (рус. 74% – нем. 88%). Это подтверждает общепринятый тезис о том, что мотивированные слова составляют бóльшую часть лексикона всякого языка. Русский язык, однако, отличается на фоне сопоставления с немецким меньшим числом полностью мотивированных ЛЕ (рус. 54% – нем. 69%) при относительно равном показателе полумотивированных ЛЕ (рус. 26% – нем. 19%). Количество же немотивированных наименований предметов быта преобладает в русском языке в два раза (рус. 26% – нем. 12%). Отсюда фиксируется в целом более низкая степень мотивированности языкового знака в ТГ предметно-бытовой лексики русского языка.

ВФ носителями современного языка неодинаково ощущается в исконных и заимствованных словах, в словах, подвергшихся действию различных лексических процессов и не испытавших изменений в звуковой оболочке, в морфемной структуре, в семантике.

Раздел 2.2. посвящен анализу действия лексических процессов в наименованиях предметов бытового обихода русского и немецкого языков. Рассматриваемая ТГ в обоих языках в генетическом плане представляет собой неоднородное объединение ЛЕ, составленное как исконной, так и заимствованной лексикой. Однако ТГ русского языка, по сравнению с аналогичной ТГ немецкого языка, больше насыщена заимствованиями (рус. 35% – нем. 23%). Заимствования в момент своего вхождения в язык-реципиент не обнаруживают семантической и/или структурной связи с ЛЕ принимающего языка. Как следствие, они не мотивируются его носителями.

Тем не менее, отсутствие мотивированности слова не исключает возможность ее приобретения в дальнейшем, так как словесный знак не статичен. Динамика его изменений определяется, как минимум, следующими моментами. С одной стороны, слово есть часть системы языка, находящейся в постоянном развитии. С другой стороны, слова (а точнее, речь) являются принадлежностью мыслящего субъекта – человека, поскольку язык не существует вне его носителя. При этом и сущность человеческого бытия состоит в поступательном изменении: в глобальном смысле – от эпохи к эпохе (подразумевается смена исторического, геополитического, экономического состояния окружающего пространства), в индивидуальном смысле – от рождения к старости (смена возрастных и психологических характеристик, социального статуса, приобретение жизненного опыта). Все это не может не вызывать модификацию ЯС носителя языка.

В результате подобного двойственного динамизма заимствованные слова, изначально лишённые мотивировки, могут ее приобрести, а исконные мотивированные лексические единицы – потерять. Ср.: заимствованное слово *ТЕЛЕВИЗор* – МЗ: '<прибор, транслирующий> телевизионные <передачи>' или *ТЕЛЕВИЗор* – МЗ: '<прибор, который показывает> телевидение' и исконное слово *нож*, родственное с *заноза*, *вонзить* (здесь и далее этимологическая справка дается по «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера (Фасмер М., 1986–1987) и словарю «*Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*» (Kluge F., 1989)).

Таким образом, появление в языке мотивированных, полумотивированных и немотивированных слов обусловлено, с точки зрения теории мотивации, двумя взаимосвязанными факторами:

1) действием лексических процессов (как формы проявления языковых тенденций), определяющих развитие языковой системы;

2) различиями в индивидуальном и национальном (коллективном) МЯС (вследствие психолого-возрастных и социо-культурных особенностей носителей различных языков).

В результате процесса лексикализации ВФС становится «затемненной» и, сохраняя членимость на значимые сегменты, приобретает идиоматичность МЗ. Напр., *полка*: «Параллельная полу поверхность», «Так называется, потому что расположена над полом», «Раньше, наверное, полки стояли на полу» (*полка* восходит к существительному *пол* в значении 'доска, планка').

Демотивация слова подразумевает утрату не только семантических связей, но и формальных. ПЛЭ показывает, что носители языка воспринимают демотивированное слово как немотивированное, поскольку не ощущают его связи с однокоренными и/или одноструктурными ЛЕ. Напр., русскими информантами не осознается, что слово *веник* происходит от *вить*, *подушка* от *дух*, *кошелек* от *кош* 'корзина', в словах *веревка*, *наволочка*, *сорочка* утратил уменьшительно-ласкательный характер суффикс -к-. Немецкие респонденты не видят связи слов *Schürze* – фартук и *kurz* – короткий, *Hemd* – рубаша и *bedecken* – покрывать, *Kleid* – платье и *kleben* – клеить, наклеивать, *Flasche* – бутылка и *flechten* – плести, вить.

Процесс ремотивации затрагивает как исконную лексику, утратившую былую мотивированность, так и заимствованную. В первом случае в сознании людей происходит переосмысление значения ЛЕ, во втором – попытка осмысления иностранного слова, вызванная потребностью приблизить его к своему МЯС, сделать его понятнее. В итоге ремотивированное слово воспринимается мотивированным. Напр., заимствованное существительное *гольф* связывается со словами *гольф* и *голень*: «Это такие высокие носки для игры в гольф», «Носки до голени»; *камин* ассоциируется со словом *камень*: «Камин складывается из камней», «Раньше камин делали из камня»; *тарелка* мотивируется носителями языка словом *тара*: «Тарелка образовано от слова 'тара', значит какая-то емкость», «Тарелка – это тара для еды». Исконно русское демотивированное слово *шумовка*, образованное от глагола *шумовать* 'снимать пену, накипь с варева', в современном МЯС связывается с ЛЕ *шум*:

«Продукты извлекаются из кастрюли с шумом, т.е. шумовка бьет о стенки кастрюли и производит шум», «Вода льется через дырочки шумовки, капает и создает шум».

Итак, высокая степень мотивированности языкового знака в ТГ предметно-бытовой лексики русского и немецкого языков объясняется сходно слабым действием процессов демотивации (рус. 9% – нем. 12%) и лексикализации ВФС (рус. 9% – нем. 3%) в исследуемых семантических континуумах.

Своеобразие русского языка состоит в том, что в нем процесс ремотивации направлен в первую очередь на мотивирующую часть мотивационной формы, то есть связан с обретением словом лексической мотивированности. Для немецкого языка, как показал анализ, большее значение имеет осознание формантной части мотивационной формы и установление отношений структурного подобия. В русском языке в настоящий момент тенденция к мотивированности языкового знака действует сильнее. Это подтверждается соотношением русских и немецких ремотивированных единиц: 26% к 15%.

В разделе 2.3. проводится сопоставление мотивировочных и классификационных признаков наименований предметов быта русского и немецкого языков.

В работе (2.3.1.), вслед за О.И. Блиновой, разграничиваются мотивировочный признак (МП) как признак, служащий опорой для выбора мотивирующей базы наименования, и номинационный признак (НП) как реальный признак предмета, положенный в основу наименования (Блинова О.И., 1989). Главное отличие мотивировочного признака от номинационного, помимо их сущности, состоит в средстве его словесного выражения по отношению к ЛЕ. МП в отличие от НП выступает в качестве лексического мотиватора (ЛМ) слова.

Интернациональный характер бытовой реальности в конце XX – начале XXI столетия обуславливает сходство в преимущественном выборе русским и немецким МЯС мотивировочного признака слова по функции, выполняемой предметом в домашнем обиходе (рус. 60% – нем. 70%). Ср.: *хлебница* – <для> *хлеба*, *расческа* – *расчесывать* <волосы>, *весы* – <измерять> *вес*, *бритва* – <для> *бритья* (МП=НП), *майка* – МП: <носят в> *мае*, НП: легкая одежда, *скатерть* – МП: <ее> *раскатывают* <на столе>, НП: покрывают стол (МП≠НП); *Korkenzieher* – штопор – <для> *вытаскивания пробки* (от *Korken* – пробка, *ziehen* – тянуть, *вытаскивать*), *Heizgerät* – обогреватель – *прибор* <для> *отопления* <помещения> (от *heizen* – отапливать, *Gerät* – прибор) (МП=НП), *Kosmetikbeutel* – косметичка – МП: *мешок* <для> *косметики*, НП: сумочка для косметики (от *Kosmetik* – косметика, *Beutel* – мешок) (МП≠НП).

Русские наименования предметов, нашедших применение в бытовой практике, отличает распространенность МП, отражающего внешний вид реалии (16%): *бокал* – <с овальными> *боками*, *вилка* – <в форме> *вил*, *кружка* – *округлой* <формы> (МП=НП), *дорожка* – МП: <узкая и длинная как> *дорога*, НП: узкая и длинная, *ножницы* – МП: <как два скрещенных> *ножа*, НП: режущий предмет (МП≠НП). Также специфичным является наличие слов, МП которых указывает на технологию изготовления предмета (3%): *косынка* – <кroitся по> *косой* <линии>, *кружево* – <плетут по> *кругу* (МП=НП).

В русских словах доминирует простой МП (90%), выраженный в большей степени именной лексемой (59%). Напр., *САХАРница*, *ДУХи*, *КРОВАть*, *ЧАЙник*, *КОРОБка*, *МАСЛенка*. В немецком языке преобладает сложный МП (77,5%), выраженный двумя и более именами существительными (53%). Напр., *HAND/TUCH* – полотенце (от *Hand* – рука, *Tuch* – платок), *HAAR/KLEMMЕ* – заколка (от *Haar* – волос, *Klemme* – скрепка).

Итоги сопоставления МП эквивалентных наименований предметов быта показывают сходство в восприятии материального мира носителями русского и немецкого языков (71 пара ЛЕ со сходным МП – 60%).

Целостное представление о предмете носитель языка получает лишь в том случае, если в слове – обозначении артефакта – им осознается не только мотивировочный, но и классификационный признак (КП), передающий обобщенное, родовое значение определенной группы ЛЕ (2.3.2.). КП реализует в слове структурную мотивированность, которая обнаруживается, если информант соотносит предъявленное ему слово с другими наименованиями рассматриваемой ТГ с тем же конечным сегментом – структурными мотиваторами (СМ).

Своеобразие русской мотивированной лексики состоит в преобладании эксплицитного КП – формально выраженного во ВФС (96%): *тарелКА*, *чайКА*, *бочКА*, *копилКА* – «емкость, вместилище»; *будильНИК*, *светильНИК* – «предмет»; *дождевИК*, *пуховИК* – «одежда». В немецком языке доминантен имплицитный КП (60%), характерный для сложных слов – композитов. Их ВФ «выражает сложный МП, а КП актуализируется за счет осознания носителем языка части МП, которая выполняет роль аффиксоида» (Адилова А.Д., 1996): *HALB/SCHUH* – полуботинок, *SPORT/SCHUH* – кроссовок, *HAUS/SCHUH* – тапочек.

Существенные различия в выражении КП свидетельствуют в пользу того, что не только МП отражает особенности восприятия внеязыковой действительности носителями сопоставляемых языков. КП также является показателем специфичности структурирования реальности представителями различных языковых коллективов.

В разделе 2.4. представлены результаты сопоставления типов мотивированности слов. Анализ ТГ «Предметно-бытовая лексика» обнаруживает сходство русского и немецкого языков в способе и средстве мотивировки слова: доминирование относительного типа (способ мотивации – отношении одной ЛЕ с другими ЛЕ) и морфологической мотивированности как его разновидности (средство мотивации – морфемы) (рус. 98% – нем. 96%). Ср.: рус. *КОФЕйНИК* – МЗ: 'сосуд <для> кофе', *НА/РУКАВ/НИК* – МЗ: 'предмет одежды, <надеваемый> на рукав', *SCHLAF/ANZUG* – пижама – МЗ: 'костюм, <в котором> спят' (от *schlafen* – спать и *Anzug* – костюм), *WEIN/GLAS* – рюмка – МЗ: 'стакан <для> вина' (от *Wein* – вино, *Glas* – стакан). Расхождения

между языками проявляются в признаке мотивировки. В русском языке преобладают полумотивированные слова с лексической мотивированностью (54%), в немецком – со структурной мотивированностью (100%). Напр., *ПИЛа* ← *пилить*, *КРОВАть* ← *кров*, *TrichtER* – воронка ← *Teller*, *Schale* – блюдо ← *Pfanne*.

Раздел 2.5. посвящен выявлению и сопоставлению видов ВФС названий предметов домашнего обихода. Исходя из функций ВФ слова, выполняемых ей в языковой системе (эволютивной, гносеологической, эстетической (Блинова О.И., 1984)), в мотивологии различают следующие виды ВФС: лексикализованная и нелексикализованная, вариантная и невариантная, метафорическая и неметафорическая.

Сопоставление эквивалентных слов с точки зрения динамики развития ВФ (2.5.1.) выявляет сквозь призму МЯС актуальные и неактуальные МП и КП русских и немецких слов. В ТГ предметно-бытовой лексики обоих языков доминируют ЛЕ с нелексикализованной ВФ, компоненты которой осознаются носителями языка (рус. 89% – нем. 97%), что показывает стабильность характеристик предметов, используемых в повседневном обиходе. Ср.: *ЛЕЙ/КА* – МЗ: 'емкость <для> полива', *GIESS/KANNE* – МЗ: 'кувшин <для> полива' (от *giessen* – лить, поливать, *Kanne* – кувшин).

Анализ ВФ эквивалентных ЛЕ с точки зрения того, как ВФС, участвуя в создании новых понятий в процессе познания окружающего мира носителями языка, отражает интерпретацию ими реальной действительности, представлен в подразделе 2.5.2. Любая языковая личность по-своему структурирует и интериоризирует неязыковое пространство, по-своему осознает закрепленность в языке экстралингвистического (что, впрочем, не отрицает сходного восприятия мира членами одного этнолингвистического сообщества и общность языкового членения ими реальности). Это приводит к различиям в трактовках ВФС информантами. «Фактор человека» (об этом см. (Нестерова Н.Г., 1997)) приобретает ведущее значение в данном аспекте анализа ВФС.

Доминирование невариантных ВФ названий бытового обихода в обоих языках (рус. 54% – нем. 77%) доказывает прочность мотивировки ЛЕ данной предметной сферы в русском и немецком языках. Невариантная ВФ – такая, которая в МЯС всех информантов обнаруживает одинаковую сегментацию МФ и одинаковое «прочтение» МЗ. Напр., *стойка* – ЛМ: *стоять*, СМ: *полка, вешалка*, МФ: *СТОЙ/КА*, МЗ: 'предмет мебели, <который> стоит'; *блюдец* – ЛМ: *блюдо*, СМ: *зеркальце*, МФ: *БЛЮД/ЦЕ*, МЗ: 'маленькое блюдо'; *Tischherd* – плитка – ЛМ: *Tisch* – стол, *Herd* – плита, МФ: *TISCH/HERD*, МЗ: 'плита, <стоящая на> столе'; *Seifenschale* – мыльница – ЛМ: *Seife* – мыло, *Schale* – чаша, МФ: *SEIFEnSCHALE*, МЗ: 'чаша, <для> мыла'.

Варьирование ВФС может осуществляться за счет разного видения информантами мотивирующей и (реже) формантной частей ее компонентов. Варьирование мотивирующей части фиксируется при наличии у слова нескольких ЛМ, свидетельствующих о различном выборе МП носителями языка. Напр., *ВИДЕО/КАМЕРА* (связь со словами *видео* и *камера*) и *ВИДЕОКАМЕРА* (связь со словами *видеть* и *камера*). Варьирование формантной части устанавливается исследователем в том случае, если слово имеет два и более СМ. Напр., *ТАРелКА* (связь со словами *тара* и *кружка, бочка*) и *ТАРелКА* (связь со словами *тара* и *котилка*).

Варьирование ВФС свойственно в большей степени русскому языку (рус. 46% – нем. 33%). Причина тому видится в особенностях русского МЯС, допускающего несколько вариантов «прочтения» ВФС. Напр., ВФС *занавеска* – ЛМ¹: *занавешивать*, СМ: *дорожка, салфетка*, МФ¹: *ЗАНАВЕС/КА*, МЗ¹: 'предмет, <которым> занавешивают <окно>', ЛМ²: *навес*, МФ²: *заНАВЕСка*, МЗ²: 'навес <от света>'; ВФС *поварешка* – ЛМ¹: *повар*, СМ: *ложка*, МФ¹: *ПОВАРешКА*, МЗ¹: 'ложка повара', ЛМ²: *варить*, СМ: *ложка*, МФ²: *поВАРешКА*, МЗ²: '<большая> ложка, <которой пользуются, когда> варят <еду>'.

Эстетическая функция мотивации, связанная с созданием образности, изобразительности, поэтичности, отражается в метафорической ВФС – виде ВФС, мотивационное значение которой отражает отношение подобия (2.5.3.). Напр., *ПЛЕЧИ/КИ* – МЗ: 'предмет, <похожий на маленькие> плечи', *БАБОЧКА* – МЗ: '<предмет туалета, напоминающий по форме крылья> бабочки'.

Предметно-бытовая лексика не дает развернутой картины метафоризации ВФ русских и немецких слов, поскольку ЛЕ с метафорической ВФ составляют одинаково невысокий процент в русском и немецком языках (соответственно 11% и 9%). Таким образом, концептуальное сходство в мотивации русских и немецких слов заключается в том, что ВФ мотивированной предметно-бытовой лексики обоих языков в большинстве случаев не выражает отношение подобия. Она передает в первую очередь конкретные характеристики предмета, имеющие функциональный характер.

В разделе 2.6. представлен взгляд на русский и немецкий быт сквозь призму теории мотивации.

Отражение «мира вещей» в «мире мотивированных слов» посредством национального МЯС является показателем реальных знаний и представлений носителей сопоставляемых языков о неязыковой действительности. Во ВФС закреплены различные признаки объектов окружающего человека мира в том виде, в каком они существуют в его языковом сознании. Именно на основании этих признаков создается актуальный языковой образ действительности.

Языковая картина русского быта, рассматриваемая с названных позиций, в целом сходна с немецкой. Это обусловлено интернациональным характером большинства предметов домашнего обихода и важностью выделения в объекте, используемом в бытовой практике, признака функционального характера (совпадение МП). Различия обнаруживаются в структурировании предметного мира (несовпадение КП). Специфика языкового отображения русского быта определяется шириной ассоциативного диапазона русского МЯС (под воздействием русского менталитета) и заключается в больших возможностях варьирования ВФС и расширенном толковании МЗ (точнее, его связочной части).

В **заключении** подводятся итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего изучения явления мотивации слов в сопоставительном аспекте.

Основным итогом исследования является установление общности и специфики явления мотивации слов русского языка в сравнении с немецким в русле сопоставительного аспекта мотивологии.

Сходство явления мотивации слов русского языка с немецким, выявленное на материале предметно-бытовой лексики, заключается в 1) высокой степени мотивированности языкового знака в обоих языках, 2) слабом действии процессов лексикализации внутренней формы слова и демотивации в исследуемом континууме, 3) доминировании мотивировочных признаков функционального характера, 4) отсутствии абсолютной мотивированности, 5) преобладании морфологической мотивированности как разновидности относительного типа, 6) доминировании в данной тематической группе нелексикализованных и неметафорических внутренних форм слова.

Специфика явления мотивации слов русского языка состоит в 1) активности процесса ремотивации, 2) большой доле мотивировочных признаков по внешнему виду предмета, 3) преобладании простых мотивировочных признаков над сложными, 4) доминировании эксплицитных классификационных признаков, 5) наличии полумотивированных слов, передающих лексическую мотивированность, 6) высокой степени варьирования внутренней формы слова.

Своеобразие лексики в аспекте ее мотивированности обуславливается особенностями национального метаязыкового сознания, которые, в свою очередь, определяются национальной спецификой языка, с одной стороны, и менталитетом и национальным характером, с другой стороны.

Основные положения работы отражены в публикациях:

1. Чижик Н.А. К вопросу о мотивационном сопоставительном анализе (на материале русского и немецкого языков) // Проблемы русистики: Материалы Всероссийской научной конференции. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 25–28.

2. Чижик Н.А. К проблеме тематического отбора материала для сопоставительного мотивологического исследования: информативные возможности предметно-бытовой лексики // Язык в поликультурном пространстве: Теоретические и прикладные аспекты. Материалы I Международной научно-практической конференции. – Томск: Изд-во ТПУ, 2001. – С. 246–250.

3. Чижик Н.А. Предметно-бытовая лексика как объект сопоставительного мотивологического анализа: к постановке проблемы // Материалы XXXIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2001. – С. 27–29.

4. Чижик Н.А. Опыт мотивологического анализа лексических единиц с семантикой «посуда, утварь» русского и немецкого языков // VII Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (14–18 апреля 2003 г.): Материалы конференции: Лингвистика, русский язык и литературоведение. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2003. – Т. 2. – С. 165–169.

5. Чижик Н.А. Сопоставительный аспект анализа типов мотивированности слов предметно-бытовой лексики русского и немецкого языков // Актуальные проблемы русистики: Материалы Международной научной конференции (Томск, 21–23 октября 2003 г.). – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 332–337.

6. Чижик Н.А. Специфика мотивационного значения мотивированных наименований одежды немецкого языка в сопоставлении с русским // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики: Лингвистика и литературоведение. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – Ч. 1. – С. 278–282.

7. Чижик Н.А. Сопоставительная мотивология (современное состояние исследования) // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция (Казань, 4–6 октября 2004 г.): Труды и материалы. – Казань: Изд-во КГУ, 2004. – С. 96–97.

8. Чижик Н.А. Специфика национального мировосприятия сквозь призму мотивировочного признака // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы II Международной научно-практической конференции (22–24 сентября 2004 г.). – Бийск: НИЦ БПГУ, 2004. – Т. 2. – С. 152–156.

9. Чижик Н.А. Языковая личность в сопоставительной мотивологии // Филология в XXI веке: проблемы и методы исследования. Материалы научной конференции «Пушкинские чтения» (6 июня 2004 г.). – СПб.: САГА, 2004. – С. 111–113.